

- 2 См.: Малько А. В., Родионов О. С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 19–25; Медушевский А. Н. Конституционные кризисы в обществах переходного типа // Вопр. философии. 1999. № 12. С. 3–21.
- 3 См.: McAuley M. Russia's Politics of Uncertainty. Cambridge Univ. Press, 1997.
- 4 Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham, 2006. P. 15.
- 5 Россия регионов : трансформация политических режимов / общ. ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М., 2000. С. 19–20.
- 6 См.: Распопов Н. П. Нижегородский региональный политический режим : проблемы трансформации влияния центров власти. URL: www.kazanfed.ru/actions/konfer3/doklad7/ (дата обращения: 29.05.2010).
- 7 См.: Рогов К. Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra. 2012. Т. 16, № 4–5 (56). С. 9.
- 8 Гельман В. Я. Успехи и провалы переходов к демократии : политические режимы российских регионов в сравнительной перспективе / Центр конституционных исследований. М., 2000. С. 4.
- 9 Чертков И. В. Региональные политические режимы Российской Федерации : на примере Санкт-Петербурга, Республики Карелия и Новгородской области : дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2005. URL: <http://www.disserscat.com/content/regionalnye-politicheskie-rezhimy-rossiiskoi-federatsii-na-primere-sankt-peterburga-republiki-kareliya-i-novgorodskoi-oblasti/> (дата обращения: 26.11.2012).
- 10 Гельман В. Политические режимы переходного периода : российские регионы в сравнительной перспективе. URL: http://eu.spb.ru/images/pss_dep/gelman_political_regime.pdf (дата обращения: 29.11.2012).
- 11 См.: Магомедов А. К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России : модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М., 2000.
- 12 См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191.
- 13 См.: Transformation from below : local power and the political economy of post-communist transitions / ed. by J. Gibson and Ph. Hanson. Cheltenham, 1996. P. 4.
- 14 См.: Медушевский А. Н. Сравнительное институциональное право и политические институты. М., 2002. С. 327–328.
- 15 См.: Баранов А. В. Региональные политические режимы в России в системе властных отношений // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 62–73.
- 16 См.: Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России : рамки анализа // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ge5.html> (дата обращения: 02.02.2013).
- 17 См.: Авдонин В. С. Рязанская область : «умеренный» авторитаризм становится жестче // PolitBook. 2013. № 1. С. 59–78; Магомедов А. К. Указ. соч.; Хазов А. Характеристика политических режимов в постсоветской России // Власть. 2012. № 2. С. 109–112 // Научная библиотека КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-politicheskikh-rezhimov-v-postsovetskoy-rossii#ixzz3TP4wYg5I> (дата обращения: 11.03.2014); Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в России : к методологии анализа // Полис. 2009. № 2. С. 77–95.
- 18 Димитрова Ю. Б. Политическая эффективность функционирования региональной власти в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. С. 22.
- 19 См.: Чертков И. В. Указ. соч.

УДК 323

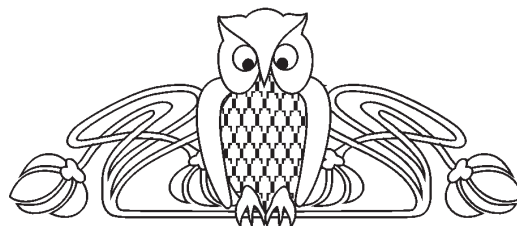
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛИЗМУ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. В. Ефанова, А. А. Колотилина

Волгоградский государственный университет
E-mail: efanova8282@mail.ru, missn@list.ru

В статье проведен сравнительный анализ практик реализации политики безопасности (США, Япония, Россия). Представлен отечественный опыт противодействия национализму в условиях обеспечения безопасности на международном, государственном и региональном уровнях. Определены региональные особенности реализации целевых программ в субъектах РФ как инструмента эффективной национальной политики.

Ключевые слова: национализм, противодействие национализму, национальный интерес, государственная безопасность, государство.

Counteraction to Nationalism in the Conditions of Realization of Policy of State Security of the Russian Federation

E. V. Efanova, A. A. Kolotilina

In the article the comparative analysis the practician of realization of a security policy (USA, Japan, Russia) is carried out. Domestic experience of counteraction to nationalism in the conditions of safety at the international, state and regional levels is presented. Regional features of implementation of target programs in territorial subjects of the Russian Federation as tool of effective national policy are defined.

Key words: nationalism, counteraction to nationalism, national interest, state security, state.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-218-222

Отталкиваясь от исследований, основывающихся, как правило, на западной фактологической и методологической базе, следует отметить российскую традицию изучения национализма. Особенностью русской религиозной философии служит деление национализма на подлинный («здоровый») и ложный («извращенный»). Подобная трактовка характерна и для представителей современной отечественной политологии в контексте соотнесения проблем национализма и толерантности¹. Социальные антропологи Запада выделяют национализм «хороший» (патриотизм, гражданский национализм) и «плохой» (шовинизм, этнический национализм). Однако в данном случае «плохой» не идентичен «ложному», а «хороший» не есть «подлинный»².

Принципы западной этносоциологии (Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум), принятые парадигмой конструктивизма, находят свое отражение, например, в системе государственной безопасности США, где национализм понимается как конструкт, существующий в процессе коммуникации, ретрансляторами которого выступают различные национальные медиа³. В исторической парадигме (Дж. Армстронг, Л. Гринфельд, Э. Смит) национализм рассматривается как явление долговременного процесса мирового развития или своего рода «идеальный тип». То есть национализм порождается нациями, которые предстают мощной социальной и исторической реальностью, что характерно, например, при формировании государственной безопасности Японии.

С либеральных позиций национализм рассматривается как проявление дикости и варварства, как возрождение первобытного родового мышления (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Э. Фромм), а в консервативно-традиционалистской интерпретации национализм является непосредственным проявлением исторического самосознания народа, национального духа, а также способом отстаивания его жизненных интересов. Продуктивный национализм отличается от деструктивного и ложного тем, что первый является сохранением своего, второй – захватом чужого. При этом в широком значении сохранение своего обозначает также и возвращение того, что было отнято незаконным путем⁴.

Пропаганда национальной исключительности и национального превосходства, а также политика по реализации националистической идеологии представляет собой основу национализма. Национализм может проявляться в нетерпимости по национальному признаку и конфронтации, как между представителями разных стран, так и внутри одной страны между представителями различных наций и этносов. Данная политика национализма классифицируется международным законодательством как политическое преступление и безусловная угроза безопасности государства.

Ключевым в представлении национализма как угрозы государственной безопасности является тот факт, что основным в программе политических действий, как правило, выступает территориальный вопрос и внесение изменений в государственное устройство, и конституцию в частности. Это объясняется тем, что государство как административный аппарат выступает средством достижения национальных интересов.

Удовлетворение государственно-национальных интересов происходит путем взаимодействия государств и определенных социальных сил внутри них. Данные отношения характеризуются как противоборством, так и сотрудничеством акторов, что, в общем, дает основание рассматривать их как разновидность борьбы за существование. Данная специфическая борьба есть прямое и косвенное соревнование между государствами, заставляющее их так или иначе учитывать интересы друг друга. В экономических рамках это соревнование носит характер конкуренции, а во внеэкономических сферах – характер военно-политического и культурно-информационного противоборства. Формы и направленность такого противоборства и сотрудничества определяются национальными интересами. Однако столкновение их интересов перманентно, так как ресурсы, выделяемые на развитие, для государств разнятся лишь частично.

Государственность и этнические общности являются двумя смежными, конкурирующими уровнями социальной организации. Этнический активизм претендует на государственный статус аналогично тому, как государство пытается контролировать культурное развитие общества. Отмечается, что «в современных условиях культура представляет необходимую общую среду..., находясь под влиянием которой, ее члены могут дышать, говорить и творить; значит, это должна быть единая культура»⁵. Усиливается напряжение между идущим процессом глобализации и попыткой национальных групп по сохранению своей самобытности. Не случайно, что проблема толерантности привлекает все большее внимание исследователей⁶.

Современными вызовами выступают выход на мировую арену новых национальных групп, сохранение элементов апартеида в ряде государств, дискриминация на национальной и религиозной почве. Кроме того, усиливается роль идеологии, возрастают технические возможности и эффективность идеологической пропаганды крайних форм национальной нетерпимости.

Очевидным представляется влечение государств к монокультурной, национальной форме. Так, этническая мобилизация стала причиной распада по национальному признаку нескольких полиэтнических государств и распространения масштабных межэтнических конфликтов. Кроме того, можно говорить о тенденции к увеличению масштаба до религиозно-цивилизационных

оснований. Особенно сложно приходится федеративным государствам, в основе федеративной структуры которых – национально-этнический признак.

В современных условиях реализация политики национально-государственной безопасности осуществляется государствами многовекторно.

Например, в актуальной национальной военной стратегии, обнародованной Пентагоном в 2015 г., главными угрозами безопасности США были обозначены ревизионистски настроенные страны и экстремистские группировки. Прямо указывается, что новейшая национальная военная стратегия выработана в связи с «необходимостью противодействовать ревизионистски настроенным государствам, которые бросают вызов международным нормам, а также использующим насилие экстремистским группировкам, подрывающим трансрегиональную безопасность»⁷.

Обеспечение государственной безопасности Японии и ликвидация существующих угроз определяются «Основными принципами японо-американского сотрудничества в области обороны»⁸. Правительство Японии открыто называет вызовами и угрозами для государственной безопасности: провокации со стороны Кореи, в частности, развитие ракетно-ядерного оружия, увеличение масштабов влияния Китая и его притязания на ряд островов Сенкаку, а также терроризм. Предлогом для вероятного военного конфликта может стать ряд китайско-американских противоречий, особенно по тайваньскому вопросу. Общей тенденцией остается военно-стратегическое партнерство с США и формирование двусторонней системы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Изучение существенных вызовов и угроз государственной безопасности Российской Федерации в условиях современного глобального мира обнаружило, что значительную роль в их природе и содержании представляет национальный вопрос. Причем основой обеспечения государственной безопасности выступает анализ двух взаимозависимых положений: специфики текущего периода развития страны и установления главных ориентиров развития современного мира как планетарной целостности, которая включает в себя множество отличных друг от друга культур, в частности, Россию как особенную евразийскую цивилизацию⁹.

Решение национального вопроса и политика противодействия национализму в РФ осуществляется как на международном, так и на государственном и региональном уровнях.

На международном уровне практика противодействия выражается в деятельности России на мировой арене, в частности, в заключении соглашений, формировании международных организаций, конвенциях. Это помогает координировать общие усилия по предотвращению национальной нетерпимости в странах, где данная проблема сто-

ит наиболее остро, а также способствует обмену опытом в решении национальных вопросов¹⁰.

На уровне международных организаций практика по противодействию национализму представляет собой ведение эффективной дипломатии. В частности, примером подобной практики служит публикация рекомендаций 2 апреля 2015 г. Комитетом ООН по правам человека для России. Среди них отмечается рекомендация по увеличению эффективности борьбы с незаконными действиями экстремистских организаций и казачьих патрулей, законодательному запрету правоохранительными органами применения расового профилирования, проведение для сотрудников органов специальных тренингов, применению наказаний в случае дискриминации по расовому признаку, приведению в соответствие с обязательствами РФ по Международной конвенции ряда законов (закон о государственной измене и шпионаже, закон об оскорблении чувств верующих, закон о внесудебных блокировках сайтов, закон о реабилитации нацизма, закон о блогерах), установлению четкого критерия по запрету экстремистских материалов и т. д.¹¹

Внутригосударственная практика противодействия национализму для России имеет особый характер. В современной России критерием положения «свой – чужой» является национальная принадлежность, что объясняется продолжительной атеистической традицией воспитания. Исходя из этого, возможными представляются два альтернативных подхода к национальной политике. Первый – «антидискриминационный» – подход предполагает, что этнические меньшинства должны быть в полной мере наделены правами и свободами наравне с национальным большинством. Второй – «преференциальный» – подход основывается на положении, что этническим меньшинствам необходима специальная защита прав и свобод во всех сферах, в первую очередь социально-культурной, поскольку у них особые специфические потребности и отсутствует возможность реализации своих потребностей без поддержки большинства. Согласно федеральному законодательству Российская Федерация осуществляет второй подход. Это подтверждается присоединением России к международным документам, которые декларируют права национальных или этнических, религиозных и языковых меньшинств¹².

В регионах прослеживаются четыре модели проводимой политики по отношению к национальным меньшинствам.

– Политика отчужденности. Основывается на положении властей, что поднятие проблем национальных меньшинств является главной провокацией межнациональной напряженности.

– Политика конфронтации с отдельными меньшинствами.

– Политика балансирования. Основывается на компромиссе между общественным мнени-

ем, настроенным против меньшинств, и защитой их прав.

– Политика конструктивного сотрудничества с этническими меньшинствами.

Регионы, проводящие политику первых двух моделей, следуют «антидискриминационному» подходу; субъекты, осуществляющие политику сотрудничества с национальными меньшинствами, опираются на концепцию «преференций» меньшинствам.

В целом субъекты РФ обладают позитивным опытом проведения национальной политики¹³. Достаточно эффективными на практике оказываются следующие институциональные и инструментальные меры:

– организация центров межнационального общения – региональных Домов дружбы. Они сформированы уже в большей части субъектов (Мурманская, Волгоградская области, Дагестан, Удмуртия и др.);

– содействие национальным СМИ. Например, в Самарской области до последнего времени функционировало «Радио-7», вещавшее на 11 языках, выпускается 9 национальных газет при финансировании из областного бюджета. Аналогичная ситуация в Башкирии, Дагестане, Пермской, Оренбургской областях;

– содействие в становлении национально-образованию. Национальные школы располагаются в районах компактного проживания национальных меньшинств. Однако в районах смешанного характера расселения такие школы функционируют благодаря инициативности национально-культурных центров, поскольку региональными властями они обычно не финансируются (Москва);

– нестандартный подход. Так, в Волгоградской области властями была организована «горячая линия» по вопросам межнациональных проблем, в Астраханской некоторое время осуществлялся выезд полным составом Консультативного совета при губернаторе для рассмотрения конфликтов на месте, в Удмуртии открыты кафе национальной кухни, в Ставропольском крае проводится обучение кадров Городской районной администрации по проблемам национальных отношений, в Татарстане формируется Ассоциация национально-культурных организаций.

Однако практическая политика по предотвращению национализма и распространению толерантных установок обнаруживается особенно эффективной в регионах, которые подходят к вопросам национальной политики комплексно, серьезно относятся ко всем ее компонентам: правовой базе, институциональному, инструментальному и финансовому обеспечению. В частности, внимания требует Закон «О национальных отношениях на территории Волгоградской области»¹⁴, который является достаточно декларативным и носит рамочный характер. Тем не менее, его роль неопределима для

формирования национальной политики в области, поскольку он послужил основой органам государственной власти в разработке и принятии одной из лучших региональных программ национальной политики.

Важнейшим инструментом реализации поставленных целей, задач, приоритетов и механизмов национальной политики в субъектах выступают региональные целевые программы, которые условно можно разделить на два типа: комплексные региональные программы национальной политики, которые охватывают все сферы национальной политики, и специальные региональные программы толерантности.

В одних регионах сделали ставку на комплексную программу, охватывающую практически все направления национальной политики (республики Башкирия, Марий Эл, Удмуртия, Хакасия, Ставропольский край, Волгоградская, Курганская, Пермская, Самарская, Саратовская, Ульяновская области), в других – на реализацию специальных программ толерантности (республики Коми, Чувашия, Оренбургская область), в-третьих – на сочетание комплексной и специальных программ (Кабардино-Балкария, Калмыкия, Амурская, Белгородская, Калужская области, г. Москва), в-четвертых – на выделение блока мероприятий по формированию толерантности в других специальных программах (республики Бурятия, Якутия, Астраханская, Пермская области).

Таким образом, общая практика противодействия национализму сочетает в себе деятельность на всех уровнях и во всех сферах. Только в совокупности можно добиться наиболее эффективных результатов, поскольку угроза национализма в обеспечении государственной безопасности затрагивает национальные интересы. Важнейшую роль в данном процессе играет адекватная, объективная оценка современных условий и возможностей в противодействии национальной нетерпимости. При этом следует учитывать состояние отечественной экономики, несовершенство системы организации государственной власти и гражданского общества, наличие социально-политической поляризации российского общества и криминализации общественных отношений, рост организованной преступности и увеличение масштабов терроризма, обострение межнациональных и осложнение международных отношений.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-13-34011).

Примечания

¹ См.: Вилков А. А. Политические аспекты проблемы толерантности в современной обществоведческой литературе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 88–93.

- 2 См.: Аванесова Е. Г. Религиозное измерение национализма // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология. 2011. № 2. С. 60–62.
- 3 См.: Глухов А. П. Месседж национальной идентичности в медиуме рекламы // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология. 2010. № 3. С. 30–35.
- 4 См.: Кольев А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. С. 124.
- 5 Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 90.
- 6 См.: Вилков А. А. Указ. соч.
- 7 The National Military Strategy of the United States of America 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf (дата обращения: 24.02.2016).
- 8 См.: The Guidelines for Japan-US Defense Cooperation. September 23, 1997. URL: www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/gideline2.html (дата обращения: 24.02.2016).
- 9 См.: Цисар Л. А. Проблемы определения понятия «национальная безопасность» в России и ее виды // Безопасность бизнеса. 2005. № 1. С. 28.
- 10 См.: Сергунин А. А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис. 2005. № 6. С. 126–137.
- 11 См.: Информационно-аналитический центр «СОВА». Комитет ООН по правам человека рекомендует России сузить определение экстремизма и соблюдать права человека в Крыму. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2015/04/d31680/> (дата обращения: 24.02.2016).
- 12 См.: Европейская Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. 1996. URL: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/1_AtGlance/PDF_Text_FCNM_ru.pdf (дата обращения: 24.02.2016).
- 13 См.: Мукомель В. И. Национальная политика в регионах России: сравнительный анализ, позитивная практика // Федерализм. 2004. № 3. С. 35.
- 14 См.: О национальных отношениях на территории Волгоградской области: закон Волгоградской области от 13 сентября 2001 г. № 586-ОД. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/4383372/3711575/> (дата обращения: 24.02.2016).

УДК 328.36

ПОНЯТИЕ «ИСЛАМСКИЙ МИР» И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПРОЦЕССА ЕГО ПОЛИТИЗАЦИИ

Д. Г. Мирзаханов

Дагестанский государственный технический университет,
Махачкала
E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

В статье представлены основные трактовки понятия «исламский мир» и его изменения в результате миграционных процессов в условиях глобализации, рассмотрены основные факторы политизации проблемы «исламского мира» в западноевропейских странах и современной России.

Ключевые слова: «исламский мир», миграционные процессы, глобализация, политизация проблемы «исламского мира», политические последствия радикализации ислама.

The Concept «Islamic World» and a Global Context of its Politization

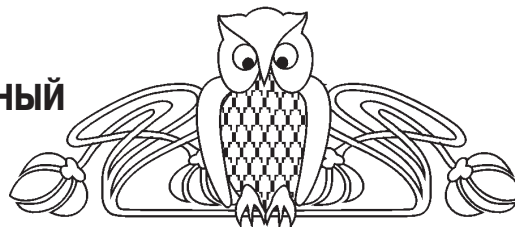
D. G. Mirzakhanov

This paper studies the main interpretations of concept «Islamic world» as well as its modifications as a result of migration processes in modern globalization. The author observes the crucial factors of politization of «Islamic world» in Western Europe and in Russia.

Key words: «Islam world», migration, globalization, politization of «Islam world», political consequences of the politization of Islam.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-222-226

Процессы глобализации по сей день не имеют единой трактовки и оценки. Ключевая причина заключается, прежде всего, в том, что они

настолько сложны и противоречивы по своим целям, содержанию и результатам, что не могут быть оценены однозначно. Особенно сложным представляется исследование глобального контекста процесса политизации исламского общества в постсоветской России. Не случайно, что данная проблема неоднозначно оценивается отечественными исследователями.

К. Ю. Труевцев, анализируя понятие «исламский мир» с точки зрения его ранга одного из мировых центров, акцент делает на том, что такое его понимание «довольно сомнительно». Несмотря на огромный человеческий потенциал мусульман (1 млрд 400 млн человек) и серьезные экономические и финансовые возможности, «это конгломерат совершенно разных по природе и уровню развития государств, не имеющих между собой ничего общего, кроме религии и некоторых традиций»¹. Главные аргументы – отсутствие интенсивных и результативных интеграционных процессов в исламских странах² и высокий уровень конфликтности межгосударственных отношений в исламском мире.

Поэтому автор предлагает подходить к проблеме исламского мира с другой стороны, рассматривая его как «ойкумену обитания мусульман». В этом смысле он предстает «не только и не столько местом обитания мусульман, сколько их мировой совокупностью, имеющей, разумеется, в том числе и геополитическое измерение. Тогда